

СУДЬБА ИВАНА ЕРМОЛАЕВА,

нижегородского поэта, земляка и знаконца Сергея Есенина, кронштадтского мятежника и соловецкого узника, адресата поздравительной телеграммы Президента России

Нам выпало счастье принадлежать к многочисленному племени почитателей Сергея Есенина, которые с неослабевающим интересом встречают любой, даже самый незначительный, новый факт из творческой биографии его. Не раз приходилось в аудиториях есениноведов рассказывать о нижегородских контактах поэта. Назывались имена, естественно, М. Горького и А. Мариенгофа, а также Г. Шмерельсона, Г. Устинова, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Н. Власова-Окского, Б. Гусмана... И нет-нет, да и про себя задавались вопросом: а можно ли пополнить этот список? так ли уж исчерпана тема?

И вот удалось установить еще одного нижегородца, вовлеченного в орбиту творческой судьбы Есенина. Это Иван Алексеевич Ермолаев. Именно общение его с Есениным стало стимулом к учреждению Нижегородского отделения Всероссийского союза поэтов... Символичен для нашего повествования уже и сам факт того, что в Нижнем Новгороде И.А. Ермолаев стал посланцем есенинской Рязанщины. Это ведь и его малая родина тоже. Знаменитое Константиново и деревня Перхурово, где в 1899 году появился на свет Иван Ермолаев, соединила величаявая Ока; и как та донесла свои воды до Волги, до Нижнего, так и герой наш сюда же проторил свою земную дорожку.

Есенинское «у меня отец крестьянин, ну а я крестьянский сын» Иван Ермолаев сполна относил и к себе, своей судьбе. Шестым ребенком был он в семье перхуровского кузнеца. Жилось трудно. Скучная земляца давала мало хлеба. На двоих-троих одна обувка-одежка.

Пришлось малолетке Ивану идти в услужение к касимовскому купцу Щукину. А затем, в течение двух лет, – работа в кузнице молотобойцем, вместе с отцом; к вечеру молот становился неприподъемным, усталость валила с ног. В студеную погоду, после жаркой кузницы, кожа на руках трескалась, и сострадательная, заботливая мама вечерами заливала трещины сальной свечкой.

В 1910 году Иван заканчивает церковно-приходскую школу, а в начале 1913-го едет попытать счастья в Нижний Новгород, где поступает учеником в парикмахерскую при станции Московско-Казанской железной дороги; по получении необходимых навыков работает здесь же, парикмахером-подмастерьем. Обретает хороших товарищей, в основном из детей железнодорожников. Они учатся в гимназии, и с их помощью в 1916-м Иван экстерном заканчивает нижегородское Владимирское реальное училище.

Как и многие из сверстников, Иван оказался вовлечён в революционное движение, ходил на митинги, а однажды даже участвовал в массовом шествии к резиденции губернатора – арестовывать его, освобождал из тюрьмы активистов польской партии... Заметим однако: революция затронула его окольно, лишь в плане общего пафоса. Гораздо ближе, понятнее Ивану – и это символично в контексте его последующей судьбы – было профсоюзное движение – конкретные, насущные, без лозунгов, дела и заботы. В революцию он был профсоюзным лидером! Председателем Союза парикмахеров, прачек, часовщиков.

Профсоюзная работа, с головой захватившая молодого человека, отвлекает его от занятия поэзией (а писать – и, кстати, печататься – Ермолаев начал, еще будучи «реалистом»), да к тому же в условиях нового бурного послереволюционного времени стихи стали казаться чем-то устаревшим.

Все резко меняется в жизни Ермолаева осенью 1918-го, с поступлением его в только что открывшийся Нижегородский университет (на энциклопедический факультет). Съехавшиеся со всей округи энтузиасты знаний, выходцы из самых разных социальных слоев, сформировали среду единомышленников, пробудившую молодые творческие силы. И Ермолаев со страстью отдается поэзии: перерабатывает свои прежние стихи, сочиняет новые, выступает на литературных вечерах, отстаивает свои эстетические ценности; именно тогда по-настоящему определились его поэтические приоритеты – и среди них, конечно же, творчество прославленного земляка, Сергея Есенина. Показательно, что спустя полвека в своих воспоминаниях о литературном движении в послереволюционном Нижнем одна из его участниц применительно к Ермолаеву первым делом отметит есенинский фактор: влияние на студенческого поэта произведений знаменитого новокрестьянского лирика.

* * *

Прервем, однако, повествование о творческой судьбе И.А. Ермолаева. Уместно дать вначале целостную характеристику литературного Нижнего первых послереволюционных лет, чтобы понять, в каких условиях происходило становление Ермолаева-поэта, что повлияло на него, чему сохранил он верность в течение всей своей долгой жизни и от чего поспешил избавиться – как от иллюзии, заблуждения, греха, – что навсегда оставил в *том времени*, когда рушились традиции,

осквернялись святыни, низвергались основы... И здесь нам, по сути, приходится быть первопроходцами, опираться на собственные представления, архивные изыскания, ибо литературная ситуация в Нижнем Новгороде в период конца 1910-х – начала 1920-х гг. в науке нашей изучена весьма и весьма слабо. Рассматривалось лишь, как правило, творчество революционных, рабочих, пролеткультовских писателей. И, само собой, М. Горького, «родоначальника соцреализма», «буревестника»... Не будет преувеличением сказать, что все литературное краеведение едва ли ни свелось к горьковедению. Многие литературные явления, не укладывающиеся в идеологические каноны, противоречащие соцреализму, замалчивались или искажались, – а это ведь, по сути, весь Серебряный век, с его модернистскими, авангардными течениями – символизмом, акмеизмом, футуризмом, имажинизмом, ЛЕФом... К примеру, фактически выброшен был из литературного процесса Борис Садовской. И только теперь приходит понимание, какой это замечательный, необыкновенно талантливый писатель. По значимости из нижегородцев конца XIX – начала XX вв. второй после самого М. Горького – всемирно прославленного М. Горького!

«Вредная поэзия» – этими словами нижегородского исследователя А.И. Елисеева (в статье 1937 г.) вполне передавалось отношение советского литературоведения ко всему Серебряному веку, к поэзии, которая не подчинялась официальным догмам, стремилась быть свободной, искренней... Вредная поэзия – это и о Ермолаеве тоже...

На рубеже 60-х – 70-х годов литературной ситуации первых послереволюционных лет в Нижнем Новгороде была дана уже художественная оценка – в романе Н.И. Кочина «Нижегородский откос». И она выгодным образом отличалась от всех ученых концепций. Роман получился очень интересным, содержательным, он точно передавал особенности и тенденции отображаемой эпохи и не случайно в составе трилогии наряду с романами «Юность», «Гремячая поляна», был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

Ермолаев был лично знаком с Кочиным. Тот, помимо университета, учился одновременно и в педагогическом институте, участвовал в разного рода литературных баталиях, как вузовских, так и общегородских. В романе его зримо, колоритно, исторически достоверно (хотя и в шаржевой манере порой) представлены нижегородские пролеткультовцы, символисты, футуристы, лефовцы, имажинисты, ничевоки, традиционалисты... Кто-то из них явлен буквально, со своим историческим именем (как, например, Григорий Шмерельсон, соавтор А.И. Ермолаева по студенческому поэтическому сборнику), кто-то угадывается – характерным поступком, строчкой стихов, названием изданной книги, преимущественным направлением своих интересов... Главный герой, Семен Пахарев, – во многом сам Кочин. Ему автор романа передал свою сокровенную любовь к Есенину. Есенинская тема проходит рефреном через весь роман. Отношение к Есенину часто оказывается определяющим в плане характеристики героев книги.

Контекст есенинской темы, многогранный, глубокий, невольно побуждает нас помыслить и о судьбе Ермолаева, также восторженного поклонника Есенина (современники справедливо усмотрят в ранних ермолаевских стихах есенинское влияние), кочинского собрата по студенчеству и активного участника нижегородской литературной жизни, – хотя в романе и нет персонажа, с которым он мог бы ассоциироваться. Читаем, понимаем: да, повествование по преимуществу

захватывает годы, в которые Ермолаева уже не было в Нижнем, но среди действующих лиц – его друзья, знакомые, коллеги, и многое, многое еще в жизни как при нем; и кажется, вот-вот в каком-нибудь литературном диспуте прозвучит и ермолаевский голос – в защиту Есенина, поэта, что *стоит самого Пушкина*, который как сама жизнь («...точно про мою Гремячую поляну написал... и соловьи, и тополя, и птицы, и перелески наши...»), – восторгается Семен Пахарев), без которого бы, собственно, и «Нижегородского откоса» не было бы, и самого Кочина как писателя...

Оба, и Ермолаев, и Кочин, в своей дальнейшей, послестуденческой жизни были безвинно репрессированы: первый – еще при Ленине (одиночка Петроградской тюрьмы и ссылка на Соловках), второй – в последнее сталинское десятилетие (лагеря Сибири и Казахстана).

По возвращении Кочина из ГУЛАГа Ермолаев обратился к нему со стихотворным посланием «Пришла весна». В нем – обобщение трагических судеб и адресата, и автора (а равно и многих-многих других людей, их сограждан по СССР...). Неискоренимая вера – несмотря на все горести и беды, ошибки и падения, разбитые иллюзии – в конечное неизбежное торжество истины, справедливости и добра. И грусть, и печаль от осознания, что не случись «лихолетья», в жизни было бы больше свершений и побед... И многого-многого не вернуть... Но все-таки – *пришла весна*. И это главное!

Иван Ермолаев с тех студенческих лет по ряду объективных причин уже не печатался (и вот главное *несвершенное* в его судьбе). Кочину же удалось сохранить связь с читателем, и к трем его романам 20–30-х годов – «Девкам», «Парням», «Юности» – добавились еще четыре, 60–80-х, – «Гремячая поляна», «Семен Пахарев», «Князь Святослав» и уже упоминавшийся нами «Нижегородский откос» – безусловно лучшее произведение писателя.

Последний роман Ермолаев особенно ценил у Н.И. Кочина. И в полувосторженном экспромте так выразил свои впечатления от книги:

Кичатся «Девки» небывалым спросом,
Гордятся «Парни» зрелостью своей.
Но молодость «Нижегородского откоса»
Нам, «юным» старцам, ближе и родней*.

Ближе и родней. Потому как там, в молодости этой, было начало всему – и главное, делу всей жизни – творчеству. И о молодости этой Кочин написал ярко, талантливо, убедительно. Впервые в печати было сказано – с должной честностью, полнотой, многогранностью, страстью, любовью, самоотреченностью – о литературной ситуации конца 1910-х – начала 1920-х годов в Нижнем Новгороде.

* * *

В литературной жизни первых послереволюционных лет в Нижнем Новгороде обозначились два организационных центра; представим их как официальный и неофициальный. Первый – в рамках Литературно-художественного кружка студентов учрежденного в 1918 году государственного университета, который потом в определенной мере

---

* Ермолаев И.А. Избранное: Стихотворения, баллады, пародии, шутки и эпиграммы. 1925–1975 гг. Горький (Н. Новгород), 1985. С. 198. (Машинописный сборник. Архив Ю.Б. Беспалова).

трансформировался в городское отделение Всероссийского союза поэтов. Второй – творческая студия Бориса Садовского в его доме на Тихоновской улице, участники которой, в основном также студенты того же университета, а также педагогического и археологического институтов (о данной организационной дифференциации литературных сил нашими учеными и краеведами практически ничего не написано, да и о самих центрах, особенно о втором, информация скуднейшая). Два этих центра были своего рода сообщающимися сосудами, взаимодействовали друг с другом, хотя в политическом плане были антиподы. Так, университетский кружок, равно как и отделение Союза поэтов, при всем стремлении к свободе самоизъявления, соразмеряли себя с господствующей идеологической линией, в то время как студия Садовского принципиально чуждалась таковой, была, по сути, оппозиционной. Руководитель ее, еще с дореволюционных времен имевший репутацию последовательного монархиста, и при Советах своих убеждений не менял и не скрывал: творческие встречи проводил в комнате, со стен которой смотрели портреты его кумиров – императоров Павла I и Николая I.

Кружок студентов оформился в мае 1919 года. Хотя он и имел общеуниверситетский статус, но организационно был в основном связан с историко-филологическим факультетом, что, в общем-то, закономерно ввиду гуманитарной направленности последнего. Учредили кружок П.И. Даданов (псевдоним – Узник), Г.Б. Шмерельсон, И.А. Ермолаев. Помимо названных, в кружке состояли В.В. Чешихина (псевдоним – В. Иродионова), Т.П. Петрова, Е.К. Моравский, Д.И. Кузнецов, В.И. Никишатова, Т.В. Домашнева и др. Кружковцы знакомили друг друга со своими произведениями, давали критические отклики на них, выступали с докладами на различные литературные и общекультурные темы. Участвовали в работе кружка и авторитетные преподаватели (в основном из приехавших в Нижний из Москвы и Петрограда): талантливый ученый, будущий знаменитый философ, знаток античности А.Ф. Лосев; психолог П.С. Попов, первый биограф М.А. Булгакова; искусствовед, художник, архитектор, декан истфила (до его закрытия в 1921 году) В.А. Волошинов; специалист в области немецкого языка и немецкой литературы В.Г. Иогансон, также некоторое время исполнявший обязанности декана; историк С.Д. Смирнов; выпускники и кандидаты в профессора Петроградского университета, одаренные литературоведы Ю.А. Никольский и В.Л. Комарович (он, по сути, и инициировал создание кружка и всячески его поддерживал). Посещали занятия кружка также служащий университетской канцелярии (он же – и студент университета) известный в городе поэт А.Н. Митрофанов и сотрудник педагогического и художественного техникумов, заведующий Нижегородским народным художественным музеем Л.В. Розенталь...

Читались лекции, устраивались семинары и диспуты. Об отечественной и зарубежной классике и, что особенно интересовало молодежь, – о новейшем искусстве, выдающихся писателях современности. В частности, В.Л. Комарович рассказывал об Анне Ахматовой, и так увлекательно, что В.В. Чешихина именно тогда и на всю жизнь открыла для себя любимую поэтессу; рекомендованный им сборник «Белая стая» она прилежно переписала в свою тетрадь и едва ли не заучила наизусть; ахматовское влияние скажется в ряде ее стихов. Ю.А. Никольский, лично знакомый с Николаем Гумилевым, читал и интер-

претировав его последние стихи. Л.В. Розенталь разбирал творчество Александра Блока, Михаила Кузмина, Владимира Маяковского. Весьма полезным и нужным для студентов было также общение с С.И. Малашкиным, автором вышедших в Москве и Нижнем сборников стихов «Мускулы» и «Мятежи» (впоследствии известным советским писателем-романистом), и редактором губернской газеты «Нижегородская коммуна», охотно публиковавшей местных авторов, Б.Е. Гусманом; последний в 1923 году выпустит книгу «Сто поэтов», в которую войдут и очерки о кружковцах Г.Б. Шмерельсоне, А.Н. Митрофанове А.И. Ильиной (Сеферянц)...

Масштабы деятельности кружка побуждали студентов к расширению сферы своей активности. Им нужны были уже и общегородские аудитории.

И вот главный наш герой Иван Ермолаев, будучи в Москве на Съезде профсоюзов рабочих-парикмахеров, посещает знаменитое кафе «Домино» на Тверской – «штаб-квартиру» Всероссийского союза поэтов, встречается со своим земляком Сергеем Есениным, а также с Н.Н. Захаровым-Мэнским и договаривается с ними об открытии в Нижнем отделения данного Союза*. По возвращении со съезда Ермолаев сообщил об этой инициативе на заседании кружка; она получила одобрение. Была проведена организационная работа, – и 26 июня 1919 года губернская газета объявила, что Нижегородское отделение Всероссийского союза поэтов (НО ВСП) стало реальностью (правда, пока еще только на уровне официального решения). В своих позднейших воспоминаниях Ермолаев отмечал, что НО ВСП фактически выросло из студенческого кружка, а сам он, случалось, даже исполнял обязанности его секретаря.

Интересно, несмотря на лишения, трудности, бытовую неустроенность, складывалась жизнь Ермолаева. Менялся – и весьма существенно – его общественный статус. По зачислении в студенты историко-филологического факультета (после упразднения энциклопедического) Ермолаев был призван на военную службу, в Волжскую флотилию, которая базировалась тогда в Нижнем Новгороде. Кстати, сослуживцем его оказался Ф.С. Богородский, один из нижегородских поклонников Маяковского, инициатор выпуска ставшего известным в столицах футуристического сборника «Без муз»; в 1922 году Ф.С. Богородский выпустит персональную книжку стихов «Даешь!», с послесловиями В. Каменского и В. Хлебникова; последующая его творческая жизнь будет связана с живописью, за успехи в которой он удостоится звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

...Ф.С. Богородский как член политотдела флотилии участвовал в боях в белогвардейцами на Волге, был контужен. Ратные будни предстояли и Ермолаеву, однако руководство флотилии посчитало нужным использовать студента-словесника в качестве военного журналиста. Его определили секретарем газеты «Известия Волжской военной флотилии» (позже – «Красный Волжский флот»), издаваемой обполитводдом (областным политическим отделом водного транспорта). По делам службы, в частности, приходилось общаться с командующим флотилией Ф.Ф. Раскольниковым и женой его, комиссаром Генерального штаба Военно-морского флота Л.М. Рейснер. Представилась возможность посещать занятия в университете, и, что очень важно было для

---

* Ермолаев И.А. Из воспоминаний. Рукопись. Архив Ю.А. Изумрудова. С. 4.

молодого литератора, сохранились и укрепились связи с НО ВСП. Важно будет отметить, что некоторые из членов Союза поэтов перешли на работу в обполитвод; так, сотоварищ Ермолаева еще по студенческому кружку Шмерельсон стал секретарем литературно-издательского отдела данного учреждения. И, как будет вспоминать потом Ермолаев, на какое-то время деятельность НО ВСП сконцентрируется вокруг обполитвода. На традиционные четверги с чаем (с сахарином) в редакции газеты собирались многие представители городской интеллигенции. А однажды Ф.С. Богородский привел московского поэта В. Каменского, который познакомил нижегородцев со своей поэмой «Сердце народное – Стенька Разин». Посещали газетчиков и такие столичные литераторы, как С. Городецкий и М. Криницкий (Самыгин).

* * *

Деятельность университетского кружка и НО ВСП шла, как уже указывалось нами, по линии официального организационного литературного центра. А что же неофициальный центр (студия Бориса Садовского)? С полной ответственностью скажем (не умаляя заслуг кружковцев и Союза поэтов): последний был гораздо авторитетней, притягательней, профессиональней, хотя и располагал в качестве материальной базы (какая горькая ирония в этих словах!) лишь тесной холодной комнатухой – обиталищем прикованного к инвалидному креслу Садовского. Не было ни редакций, ни газет – ничего не было... И даже просто элементарных физических сил у хозяина комнатухи, чтоб писать ручкой в тетради, не было; полупарализованные пальцы с трудом могли удерживать лишь карандаш, – и выводились едва прочитаемые каракули... И однако ж литературная жизнь ключом была в комнатухе, сочинялись все новые и новые произведения. И послушать их, пообщаться с автором считали за честь и университетские кружковцы, и члены НО ВСП. Здесь они находили главное – то, что не могли им дать ни местные литераторы, ни даже сверхученые профессора: уроки подлинного художественного мастерства – от мастера же, самого знаменитого тогда в Нижнем писателя (которого земляк его А.М. Горький еще с подростковых лет считал выдающимся талантом), в недавнем прошлом полноправного участника общероссийского литературного процесса, колоритнейшей фигуры Серебряного века, автора многих ярких книг – стихов, прозы, публицистики, сотрудника легендарных «Весов», «Аполлона», «Золотого руна», адресата стихотворных посланий Блока, Андрея Белого, Михаила Кузмина, Анны Ахматовой... Из первых рук молодые нижегородцы узнавали о символизме, футуризме, акмеизме, о наиболее интересовавших их поэтах и, конечно же, едва ли не главной их страсти – Александре Блоке.

Из посещавших студию Бориса Садовского некоторых (имеем в виду университетских товарищей Ермолаева) в определенном плане можно считать литературными воспитанниками Садовского. Это, прежде всего, поэт и прозаик Д.И. Кузнецов, автор вышедших в Москве в 1920-е годы сборника стихов «Медальон» и повести «Елизавета», написанной по мотивам брюсовского «Огненного ангела». Садовской считал Кузнецова очень талантливым и искренне переживал за его горестную судьбу: по полученным им сведениям, Кузнецов погиб в 1930-м на Соловках. Осознавал себя в творческом плане связанным с Садовским и Е.К. Моравский, также, несомненно, одаренный литератор. Даже Г.Б. Шме-

рельсон, избравший своими кумирами футуристов и имажинистов, неизменно ощущал рядом с собой как *опору* Бориса Садовского, по мере своих сил пропагандировал его творчество. Во многом разделяли жизненные и художнические принципы Садовского А.Н. Митрофанов и И.Л. Хуртин (последний, правда, не принадлежал ни к студенческому кружку, ни к НО ВСП).

...Посетителями студии Садовского и, во многом, его приверженцами были и университетские профессора, просветители молодых нижегородских поэтов, – В.Л. Комарович и Ю.А. Никольский. Оба с трудной судьбой, подвергались арестам; первый умер от голода в блокадном Ленинграде, а у второго жизнь пресеклась еще в 1922-м, в советской тюрьме... Сохранившиеся в архиве Садовского многочисленные письма к нему Ю.А. Никольского прочитываются сегодня как обладающие большой общественной значимостью документы эпохи. И в них, между прочим, есть интересные строки о соавторе Ермолаева по студенческому сборнику стихов В. Чехихиной, даже стихи, посвященные ей.

О том, были ли какие-либо контакты других, упомянутых нами выше новоприезжих профессоров университета А.Ф. Лосева и П.С. Попова с Садовским, документальных свидетельств нет, однако, через общих знакомых (того же В.Л. Комаровича), они, бесспорно, знали о нем.

* * *

В круг воспитанников Бориса Садовского, испытавших его непосредственное художническое воздействие, главный герой нашего повествования – Иван Ермолаев – не входил; у него был свой маяк – Сергей Есенин (а также и Александр Блок; им Ермолаев серьезно увлекся как раз со студенческих лет), – и тем не менее общение с ним не могло не быть для Ермолаева важным – в общеписательском плане. В своих немногословных воспоминаниях Ермолаев посчитал необходимым написать о посещении молодыми нижегородскими литераторами (и им самим, конечно же) квартиры Садовского, где читались и обсуждались стихи, велись беседы на животрепещущие темы. Садовской являл красноречивый пример писателя, до конца преданного своему делу, призванию, чего бы это ни стоило, верного русским, державным, гражданским заветам. Другого такого авторитета из мира литературы в Нижнем тогда не было, потому и тянулись к нему молодые энтузиасты-сочинители и так важен был для них уже и сам факт, что живут они в одном с ним городе. Среди выявленных нами архивных материалов есть рукопись краткой биографии Садовского, принадлежащая перу неизвестного автора (вполне возможно, кого-то из прошедших школу Садовского). «Ни основной профессией, – читаем мы в ней, – ни побочным занятием литература для Б.А. Садовского быть не могла ввиду глубоко серьезного отношения к ней как к подвигу всей жизни. Вдохновение Б.А. Садовской считал главным и единственным условием художественного творчества».

А ведь это же стало девизом и самого Ивана Ермолаева. После того, как отшумела молодость, он связал свою судьбу с профессией инженера-строителя, но неизменно, с прежней страстью, с подвижничеством писал стихи. Десятилетия и десятилетия... Стихи были главным двигателем его жизни, светом жизни. И уже только поэтому и не стремился Ермолаев печататься, не подстраивался под чьи-то конъюнктурные догмы. Святое хранил в душе. И потому вполне мог считать свою

творческую судьбу счастливой, хотя читатели о нем в течение долгих десятилетий ничего не знали.

Составляя на склоне лет свой итоговый машинописный сборник, Ермолаев включил в него лишь одно (!) стихотворение из написанного и напечатанного в студенческую пору. Это было проявлением строгого суда над собой, беспощадной самокритики... Но, чтобы понять, а каково же было *начало поэта*, мы заглянули и за рамки машинописного сборника. И *начало* это, особенно в плане контакта с читателем, было весьма благоприятным: за год с небольшим авторская (совместно с Г.Б. Шмерельсоном и В.В. Чешихиной-Иродионовой) книжка стихов, а также публикации в альманахах университетского кружка «Зарницы» и НО ВСП «Волжская вольница». Дебют молодого поэта заметила критика. Да, обращалось внимание на очевидные, порой весьма серьезные недостатки в его стихах (языковые огрехи, чрезмерная зависимость от Есенина), но – и это, конечно же, главное – и на несомненные задатки, потенциал, «смелость и искания», предрекавшие в дальнейшем творческий рост автора, возможность стать настоящим поэтом. И, забегая вперед, скажем: это, в целом, подтвердилось. В лучших своих творениях Иван Ермолаев предстал тонким, интересным лириком и приобрел права пусть, может быть, и на скромное, неброское, но свое место в поэзии. И в связи с этим коснемся судеб соавторов Ермолаева по студенческому сборнику «Стихи» – Г.Б. Шмерельсона и В.В. Чешихиной-Иродионовой, тем более что и критика оценивала их вместе. И тут нам придется подводить грустный итог: ни Шмерельсон, ни Чешихина-Иродионова не состоялись как поэты – по разным причинам. Шмерельсону оказалась ближе издательско-просветительская деятельность, а Чешихина-Иродионова ушла в переводчики...

* * *

Казалось бы, после первых печатных успехов 1919–1920-х годов Иван Ермолаев вступал на путь, где его ждали новые и более плодотворные встречи с читателями, новые интересные замыслы и свершения в плане налаживания организационных форм нижегородской литературной жизни... Увы, путь его оказался иным – в ГУЛАГ.

...В конце января 1921 года матрос И.А. Ермолаев, в составе радиоминной школы, сформированной на базе Волжской флотилии, был направлен для продолжения воинской службы в Кронштадт. И, надо ж так случиться, – вновь под начало Ф.Ф. Раскольникову, который с июня 1920 года, исполнял обязанности командующего Балтийским флотом. Однако, как покажут последующие события, связанные со знаменитым Кронштадтским восстанием в марте 1921 года (в которое будет вовлечен и герой нашего повествования), они станут уже противниками, окажутся во враждующих лагерях. И лишь стечение обстоятельств уберезит Раскольникову от того, чтобы отдать приказ расстреливать кронштадтцев: незадолго до восстания он будет отстранен от командования флотом. У восстания, отметим, были причины глубокие, общероссийские, но, как небезосновательно считают историки, первоначальным импульсом стал именно раскольниковский фактор: недовольство моряков безответственной политикой в руководстве флотом Раскольниковым, его барскими замашками в отношении сослуживцев. Забегая вперед, заметим, что не принесет пользы Отечеству Раскольников и в руководстве уже в сфере... искусства, в частности, на посту

главного редактора журнала «Красная новь» (после изгнания оттуда действительно талантливого человека, сделавшего журнал одним из лучших периодических изданий 1920-х годов, – А.К. Воронского). Нелучайно М. Горький даст ему хлесткую характеристику: «невежественный и бездарный»*, «болван»**.

По воле судьбы, там, в Кронштадте, Ермолаев окажется по разные стороны баррикады и с еще одним будущим руководителем в делах искусства, но на сей раз человеком с несомненным художественным даром, отчего особая горечь, – Александром Фадеевым. Тот в числе делегатов Десятого съезда партии большевиков штурмовал восставшую крепость, получил тяжелые ранения. Пройдут годы – Фадеев станет талантливым писателем – и, увы, одним из главных идеологов РАПП, нанесшей немалый урон подлинному, свободному искусству. Когда в середине 1920-х, по отбытии наказания за Кронштадт, Ермолаев вернется в родной Нижний, тамошние рапповцы пренебрежительно зачислят его в ряды «попутчиков» и, по сути, не дадут хода в литературе.

В Кронштадте Ермолаев как председатель военно-революционного комитета своего подразделения принимал непосредственное участие в выработке общегарнизонных оргрешений. Когда центральная власть отвергла предложенные ей условия переговоров и бросила на мятежную крепость войска, кронштадтцы стали защищаться (и у них были для этого все возможности). Вскоре, однако, осозналась ими бесперспективность дальнейшего сопротивления: восставшие не хотели напрасных жертв, как у себя, так и у противника, понимали, что сошедшиеся в братоубийственной схватке вчерашние крестьяне и рабочие стали пешками в инспирированной Кремлем грязной политической борьбе. Связались с правительством Финляндии, попросили принять гарнизон. Финны ответили согласием, и большей части восставших удалось уйти на их территорию. Ермолаев был среди тех, кто прикрывал их отход. Из 150 человек его отряда посчастливилось уцелеть и перейти финскую границу лишь ему да еще 11 морякам.

В мае пришло известие об амнистии мятежных кронштадтцев, однако таковая на активистов восстания – в том числе и Ермолаева – не распространялась. Тем не менее герой наш все-таки принял решение вернуться на Родину, ибо не мыслил жизни без нее.

...Увы, ступил Ермолаев на родную землю – и был схвачен чекистами и заключен в Петроградскую тюрьму на Шпалерной. И как тут в связи с этим не поразмышлять о трагической прихоти судьбы – в ту самую как раз печально знаменитую тюрьму на Шпалерной, где менее года тому назад дожидался смерти поэт Николай Гумилев, о котором, казалось бы, совсем недавно, летом 1919-го, Ермолаеву и его товарищам по университетскому литературному кружку рассказывал Ю.А. Никольский; по некоторым косвенным данным мы можем судить, что рассказывал он о новой на тот момент книге Гумилева «Костер», при этом выделяя ряд опорных ключевых стихотворений, в том числе балладу «Рабочий». И теперь вот, с особым символическим смыслом, могли откликнуться в памяти строки из «Рабочего»: «Пуля, им отлитая, отыщет / Грудь мою, она пришла за мной».

* М. Горький и советская печать. Архив А.М. Горького. Т. 10, кн. 2. М.: Наука, 1965. С. 16.

** М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 444.

На стене своей камеры, перед рассветом, перед тем, как спокойно, на удивление палачам, принять предуказанную пулю, поэт начертил свой последний автограф: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Н. Гумилев». Надпись эта не стиралась в течение нескольких месяцев.

...Можно только гадать, в какой камере содержался Ермолаев, но достоверно известно: в той, где также был предсмертный автограф: «Здесь сидел в ожидании расстрела член ревкома мятежного Кронштадта матрос с “Севастополя” Перепелкин. 27 / III – 21». Перепелкин был одним из парламентариев, отправленных кронштадтцами для переговоров с руководством противной стороны; их всех арестовали и расстреляли. Лишь чудом избежал подобной участи Ермолаев: он ведь тоже был ревкомовцем, вожак у мятежных моряков.

Включение гумилевского аспекта в контекст наших размышлений о судьбе кронштадтца Ермолаева обусловлено и пониманием того еще, что ведь некоторым образом и Гумилев тоже *кронштадтец*. Есть свидетельства, что он пытался соразмерять план своих возможных действий с событиями на мятежном острове и что, если восстание перекинулось бы на Петроград, принял бы в нем участие... Толки об этом ходили в народе, и вполне возможно (и даже наверняка) Ермолаев о них знал.

Молва связывала с Гумилевым такие вот строки (будто бы написанные им в тюремные дни):

Я не трушу, я спокоен,
Я – поэт, моряк и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймит клеймом позорным –
Знаю, сгустком крови чёрным
За свободу я плачу.

Сознавая, что Ермолаев никоим образом не может соответствовать масштабу такой исторической фигуры, как Николай Гумилев, полагаем тем не менее: данные строки вполне приложимы и к его характеристике, также *моряка, поэта и воина*, прошедшего скорбной дорогой свободы.

В дни заключения Гумилева в тюрьме на Шпалерной вышел его последний прижизненный сборник «Огненный столп», ставший его итоговой книгой, книгой бесспорных шедевров. Мы не знаем, был ли знаком Ермолаев с этой книгой (думаем, что все-таки у него были возможности прочитать ее – как в Финляндии, так и потом уже, по отбытии наказания за Кронштадт, в Нижнем Новгороде), но у нас есть основания заключить, что его стихи циклов «Соловецкие томления», «Следы на камне», написанных как непосредственные отклики на кронштадтское восстание и связанные с ним последующие события, прочитываются как следование ее главному завету – каким должен быть поэт, что должен говорить читателям, чему должен учить их.

Вышеупомянутые циклы «Соловецкие томления» и «Следы на камне» (при всем несовершенстве некоторых стихов) – весьма выразительны, экспрессивны, ярки. Это – лучшие из ермолаевских произведений (хотя и примыкают они еще, по сути, к первому периоду творчества), лучшие, поскольку их автор прикоснулся к подлинной, большой Трагедии, побудившей его осознать свою нерасторжимую связь со всем народом, чувство ответственности за Россию саму, за Родину, за свет-

лые идеалы добра и справедливости. И именно тогда по-настоящему и открыл в себе Иван Ермолаев поэта. Пришло и истинное понимание художественных ценностей, созданных поэтами, изначально близкими ему, – Сергеем Есениным и Александром Блоком. И вышеназванные циклы, помимо прочего, интересны и примечательны как раз попыткой творческого преломления мотивов их лирики: есенинской – «Радуницы», «Любви хулигана», «Персидских мотивов»; блоковской – «Стихов о Прекрасной Даме», «Стихов о России»...

(Верность Есенину и Блоку Ермолаев пронесет через всю жизнь. Будет сопоставлять их, размышлять о своеобразии каждого. И в одном из интервью, уже 1990-го года, подчеркнет: «Самый мой любимый поэт – Блок: он глубже Есенина, мудрее», – но при этом сделает и многозначительную оговорку: «А Есенин – поэт сердца, он ближе»*. И как тут не заметить, что ведь и сам Есенин именно к Блоку и только к Блоку пришел за признанием! И стал самым близким для русского сердца поэтом!)

* * *

В тюрьме на Шпалерной Ермолаев вместе с другими активистами Кронштадтского восстания провел больше года в ожидании дальнейшей участи. Наконец, ему было предъявлено обвинение, последовал приговор – три года заключения в Соловецком лагере.

На Соловках Ермолаев был за старосту у сотоварищей-кронштадтцев (востребованными оказались его качества профсоюзного лидера). Дважды, с успехом, организовывал голодовки в борьбе за права политзаключенных. За проявленные стойкость, мужество, солидарность и взаимовыручку кронштадтцев зауважал даже начальник лагеря Ф.И. Эйхманс.

Решительность и последовательность кронштадтцев в отстаивании своих прав, чувство собственного достоинства принесли свои плоды: срок пребывания на Соловках сократили им с трех лет до одного года. И с Соловков (в октябре 1924 года) Ермолаев сразу же поехал на родину, на Рязанщину.

На пути был Ленинград. И не задержаться, хотя бы на самое краткое время, в этом столь памятном ему городе Ермолаев не мог. Остановился у Шмерельсона (он еще в 1921-м переехал в город на Неве). О многом переговорили, повспоминали. У Шмерельсона Иван Алексеевич познакомился с гостившими тогда в Ленинграде Шершеневичем и Мариенгофом. Каких-либо подробностей общения со знаменитыми имажининистами Ермолаев в своих воспоминаниях не приводит. За исключением одного, но чрезвычайно важного для нас факта: ожидался приезд Сергея Есенина!

Ермолаеву, конечно же, было очень интересно повидаться с земляком-рязанцем, прославленным поэтом. Но, увы, больше трёх суток находиться в Ленинграде бывший лагерник-кронштадтцев не мог: по освобождении с Соловков он получил так называемый «минус шесть», то есть запрет на право проживания в шести крупнейших го-

---

* Программа Ю. Беспалова и Е. Кузнецовой «Нижегородский адрес-календарь» («Иван Алексеевич Ермолаев. Н. Новгород. Кронштадт. Соловки. Н. Новгород»). Творческое объединение «Телефильм» и Государственный архив Горьковской области. 1990 г. .

годах СССР – помимо Ленинграда, ещё в Москве, Свердловске, Харькове, Киеве и Одессе.

Справедливости ради заметим: встреча в Ленинграде Ермолаева с Есениным тогда не могла состояться ни при каких условиях, даже если б и задержался он на месяц-другой. Есенин в ту пору находился на Кавказе, вернулся оттуда лишь 1 марта следующего года. Но, по всей видимости, какие-то противоречивые слухи о возможном скором его приезде циркулировали в кругу его близких и знакомых. Писал же вот, к примеру, сам Есенин Г.А. Бениславской, которой поручил вести свои литературные дела (письмо от 17 октября 1924 г.): «Приеду сам не знаю когда, вероятно, к морозам и снегу».

Как бы то ни было, жаль, что невозможной оказалась тогда их встреча. Она могла стать немаловажным творческим импульсом для обоих (берём на себя смелость так заявить). Есенин... В 1920-е годы он увлечён разработкой образа бунтаря, протестанта, противника существующей власти – в поэмах «Пугачёв» (опубликована в декабре 1921 г.), «Гуляй-поле» (отрывок под названием «Ленин» опубликован в 1924 г.), «Страна негодяев» (отрывки опубликованы в 1924–1925 гг.; полностью в 1926 г.). И образ этот явно близок самому автору – соотносённостью с природной, крестьянской стихией, его колыбелью как человека и поэта.

Жизненная история бывшего кронштадтца, соловецкого узника, земляка-рязанца, не исключено, оказалась бы созвучной с вышеотмеченным есенинским образом и чем-то дополнила бы его... Находят же вот в «Пугачеве» отклик на масштабное крестьянское восстание на Тамбовщине под предводительством А.С. Антонова в 1920–1922 гг., вызванное, кстати, теми же глобальными причинами, что и Кронштадтское...

Ну а что касается Ермолаева – так, по сути, после всех мытарств, он *возвращался на Родину* – позволим себе такое сравнение – как лирический герой есенинских книг «Русь советская», «Страна советская»:

...В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несёт нас рок событий

– да, впрочем, и как сам Есенин: «Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался какой-нибудь ноябрь».

* * *

После недолгого гостевания в Перхурове, после Соловков, Ермолаев вернулся в Нижний, город своей университетской юности. Главные интересы его, интересы поэта, позвали за собой, побудили найти себя в новой литературной реальности, наладить контакт с читателями, обрести единомышленников. Литературная жизнь Нижнего во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., как и в первые советские годы, дифференцировалась на официальную и неофициальную, вот только тенденции тут были уже иные, в силу все более ожесточавшегося идеологического диктата. На официальном поле на лидирующие позиции вышла НАПП, местная ячейка РАПП. НАПП с упорством, достойным лучшего применения, стремилась реализовать на практике бредовые установки головного центра по перелицовке всей современной литературы на пролетарский лад (кто не соответствовал этой «одежке», по

сути подлежал ликвидации)... Соратником наповцев не мог и не захотел стать «попутчик» Иван Ермолаев. Что такое политическая целесообразность, он хорошо понял еще в Кронштадте. Равняться на их эстетические «образцы» – и представить не мог. Откроем, к примеру, четвертый за 1931 год номер журнала «Натиск», печатного органа наповцев, вышедший под шапкой «К годовщине исторического решения: Постановление третьего пленума НАПП об итогах призыва ударников в литературу» (постановление это ориентировало на «повышение идейности и художественности произведений»), – и, стало быть, «натисковцы» стремились показать на деле, какой должна быть настоящая литературная продукция «ударников». Все стихотворные подборки здесь – антипоэзия, мертвая агитка, идеологизированная тарабарщина.

Вышеприведенная характеристика «стихотворчества» рапповцев в «Натиске» spolна приложима и к их специальным коллективным сборникам «Ударные темы» (1930), «В боях за Сормово» (1931). На сто с лишним страниц здесь ни одного (!) достойного стихотворения – хотя во вступительных статьях к сборникам громогласно заявлялось, что произведения их обладают качествами, присущими понастоящему «свободной литературе», в них «огромная напряженность поэтической мысли».

Свое отношение к рапповцам Ермолаев выразил в горько-ироничных строках, взятых им в качестве эпитафии к циклу послесоловецких стихов:

Я говорю «спасибо» НАППу
За то, что без учтивых слов
Он наложил стальную лапу
На кружево моих стихов*.

«Спасибо» – за то, что встреча с рапповцами дала понимание, что жизнь много сложнее, глубже, трагичнее, мудрее, чем представлялось им. «Спасибо» – за то, что отстоял право писать по-своему, не как они...

А теперь о том, как – на неофициальном уровне – проявлялась нижегородская литературная жизнь в послесоловецкие годы Ивана Ермолаева. Своеобразным организационным центром здесь, о чем мы можем судить на основании рассекреченных недавно архивных материалов, было творческое сообщество, оформившееся со временем в так называемый «Орден Рыцарей Духа» – филиал нелегального московского анархо-мистического «Ордена тамплиеров». В «Орден Рыцарей Духа» вошли по преимуществу студенты (настоящие и бывшие) Нижегородского университета (участвовали в нем также некоторые их знакомые и друзья).

Итак, снова неофициальная студенческая организация. Это побуждает нас вспомнить студию Бориса Садовского. Мы можем даже говорить, что некоторым образом «Орден Рыцарей Духа» и принял эстафету от нее. Да, и время другое, и цели другие, и руководители другие, но авторитет Садовского для нового поколения нижегородских студентов по-прежнему весом. Творческое наследие Садовского, притягательность и обаяние его личности учитывались при планировании работы «Ордена Рыцарей Духа».

---

* Ермолаев И.А. Избранное: Стихотворения, баллады, пародии, шутки и эпиграммы. 1925 – 1975 гг. Горький (Н. Новгород), 1985. С. 198. (Машинописный сборник. Архив Ю.Б. Беспалова).

Косвенным образом с орденом были связаны и некоторые из университетских знакомцев Ермолаева докронштадтской поры, – В.Л. Комарович, Е.К. Моравский, Т.В. Домашнева, Д.И. Кузнецов.

В 1930 году органами ОГПУ–НКВД «Орден Рыцарей Духа» был разгромлен. Все двенадцать активистов – костяк группы – отправились в концлагеря и ссылки, многие погибли там...

Для нас бесспорно – «Орден Рыцарей Духа» как составом участников, так и направленностью идей мог быть близок и интересен главному герою нашего повествования, однако, по стечению обстоятельств пути их не пересеклись. И хорошо, что так вышло. Бог миловал, – невольно приходят сейчас на ум эти слова. Ведь, в противном случае, участь кронштадтского мятежника была бы незавидной.

Итак, *не с рапповцами* – такой оказалась выстрадавшая, глубоко личная бескомпромиссная позиция Ермолаева. А от общения с «Орденом Рыцарей Духа» его уберегла судьба...

Какое-то время Ермолаев посещает занятия литературного кружка при Клубе советслужащих. Но перспектив в деле повышения творческого мастерства это не давало (кружок был весьма заурядный). Попробовал было реанимировать НО ВСП, списался по этому поводу с известными московскими поэтами Марком Тарловским и Олегом Леонидовым, заручился их поддержкой, но, как сам потом будет вспоминать, «затея оказалась нежизненной»*, – ведь при главенстве РАПП с ее курсом на классовую дифференциацию литературы Союз поэтов, многогранный, многоаспектный, полифоничный, ставящий во главу угла самое Искусство, был обречен...

Чтоб быть нужным людям как поэт, примкнул к движению самодеятельного искусства «Синяя блуза», чье отделение функционировало при Клубе завода им. В. Ульянова; выступал со скетчами и фельетонами. Но и это было лишь эпизодом. А потом... потом ушел в себя. Писал в стол, принципиально; писал, что было интересно ему, что подсказывало сердце.

...Внесла свои коррективы и жизнь – большая, реальная, конкретная. Захотелось стать похожим на персонажей своих стихов о том, как созидалась новая могучая держава СССР. В 1930-м Ермолаев окончил техникум, избрав профессию строителя. Прошел путь от прораба до крупного руководителя.

По профилю своей работы Ермолаев встречался со многими известными и интересными людьми. В частности, с секретарем Нижегородского губернского комитета РКП(б) А.А. Ждановым (будущим печально знаменитым докладчиком по Постановлению оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»), наркомом пищевой промышленности СССР А.И. Микояном; сохранил о них добрую память как об умных, высококвалифицированных и совестливых руководителях.

Как все в жизни, прочно и надежно, создавал свой быт. Собственными руками в свободное от основных профессиональных обязанностей время построил кооперативную квартиру. Главной опорой его, утешительницей, ангелом-хранителем была верная и преданная жена. С ней Ермолаев в счастливом супружестве прожил 62 года. К великой горести его, не оставил наследников: единственный сын, совсем молодой, неженатый, погиб в Великую Отечественную...

* Ермолаев И.А. Из воспоминаний. Рукопись. Архив Ю.А. Изумрудова. С. 2.

С 1962-го Ермолаев на пенсии. Пишет, как и прежде, стихи. Много читает, увлеченно пополняет свою замечательную библиотеку. Сторонится шумной жизни, какой-либо публичности. Переваливает за девятый десяток...

И вдруг – имя его звучит на всю страну.

К читателям необъятного Советского Союза приходит миллионный тираж столичного журнала «Дружба народов» с мемуарами и стихами Ивана Ермолаева...

Президент России Б.Н. Ельцин подписывает указ о политической реабилитации кронштадтцев; а так как выясняется, что из всех участников мятежа на этот момент жив только И.А. Ермолаев, то он один и представляет за всех... 17 января 1994 года Б.Н. Ельцин лично поздравляет И.А. Ермолаева с 95-летним юбилеем, адресует ему слова уважения и признательности: «Восхищен Вашей стойкостью и способностью преодолевать самые страшные испытания, сохраняя оптимизм и творческую энергию»*.

В газетах появляются интервью Ермолаева, на телевидении – фильмы о нем. Издательство «Курьер» включает в своей перспективный план выпуск сборника его стихов...

Увы, по ряду объективных причин, издание сборника не состоялось.

Прошедшие с тех пор 20 лет (до неузнаваемости изменившие саму Россию, ее приоритеты и систему ценностей), показали, что, как бы то ни было, Иван Ермолаев не забыт, интересен и нужен нижегородцам.

---

* Ельцин Б.Н. Поздравительная телеграмма И.А. Ермолаеву. 1994. Архив Ю.Б. Беспалова. С. 1.